

Раковина на ладони

Какие ассоциации может вызвать название новой книги известного петрозаводского поэта и писателя Олега Мошников «Солнце в кармашке»? Наверное, прежде всего — с названием хорошо известного в конце 70-х годов прошлого века фильма «Солнце в авоське», в котором снялся в главной роли, пожалуй, самый любимый детворой клоун Олег Попов. Вполне возможно, что параллели тут возникли совершенно случайно, однако как минимум одно общее качество у обоих произведений точно есть. Оба они — сгустки радости и беззаботного веселья, так хорошо знакомого поколению «детей застоя».

В наше безумное время, когда любого из нас каждый день, от заката до рассвета, преследует предчувствие глобальной катастрофы, наверное, только воспоминания о детстве и могут ещё помогать сохранить хоть какое-то душевное равновесие. Возможно, что это — своеобразная форма эмиграции — слава богу, ещё не осуждаемая ретивыми общественниками. Но, оказывается, у нас можно отнять всё что угодно — будущее, веру, чувство собственного достоинства, инстинкт самосохранения, да вообще всё. Жить и без этого можно — недаром же в последние годы многие всё чаще вспоминают популярную русскую пословицу: «Не жили богато — и начинать не надо». И только детство со всем лучшим, что тогда было в нас заложено, остаётся неприкосновенным запасом, который надо беречь до последнего. Когда не станет его, ничего не останется и от нас.

В своей книге Олег Мошников собрал, кажется, всё, что написал на тему детства за целую жизнь, в разных жанрах — в стихах, прозе, публицистике. Таким образом, он исследует одну из самых любимых тем с нескольких точек зрения, начиная с фиксации на бумаге обрывочных воспоминаний, ярких эмоциональных зарисовок с натуры, а в финале доходит до почти научного анализа лучших образцов детской литературы, на которых выросло не одно поколение. Тексты, кстати, были созданы в разные годы на протяжении почти сорока лет, отражая глубоко личный опыт автора, так что читателю даётся возможность взглянуть на одни и те же явления и глазами ребёнка, и глазами отца, и глазами деда, вспомнить детские впечатления от первых прочитанных книг, а потом узнать, что думает о своих юных читателях уже давно состоявшийся профессиональный писатель.

Картинка получается живая и объёмная. Почти как на карманных календариках, которые многие из нас когда-то коллекционировали в 70-х и на которых красивый пейзаж или бытовую сценку можно было рассматривать подолгу сначала с одного бока, а потом с другого. Кстати, для создания своих образов Олег Мошников пускает в ход все доступные ему выразительные средства, вплоть до тактильных, слуховых и даже вкусовых ощущений, так, что воспоминания о ранних годах перестают быть просто сухим пересказом биографических фактов:

*Взял раковину в руки мальчуган,
И вдоль волны зазубренного края
Зарокотал Великий океан,
По перламутру радугой играя.*

*И распустился каменный цветок.
И замок рушил собственные стены,
И шелестел по лестницам поток
В короне брызг и мантии из пены.*

*И волк морской, пират и адмирал,
Не зная ни цирюльника, ни книги,
В широтах Океании листал
Страницы черных стакселей на бриге.*

Это одно из ранних стихотворений Олега, впервые увидевшее свет на книжной странице. Был такой коллективный сборник, изданный в Сыктывкаре в 1992 году, — «Любимое и безответное», в котором дебютировали многие молодые авторы из разных регионов. О ком-то мы больше никогда ничего не услышали, кто-то добился заметных успехов, а о Мошникове уже года через три говорили как об «известном поэте», а он доказывал как мог, что в литературу пришёл всерьёз и надолго, что он на этом поприще — человек не случайный. Уже тогда личные впечатления от тех или иных событий в его стихах смешивались с традиционными фольклорными мотивами — современными городскими и проверенными временем деревенскими, реальность соседствовала с фантазией, а схематичные, на первый взгляд, бытовые сценки приобретали неожиданную философскую глубину. Жизнь в стране стремительно менялась, облик знакомых с детства городов становился всё более трудноузнаваемым. И Олег как будто торопился хотя бы в стихах увековечить эту исчезающую, дорогую сердцу натуру:

*Пройдусь знакомыми местами:
Дворами, парками, мостами.
Три перекрестка. Две реки.
На горке — старенькая школа.
Сирень роняет лепестки
На маленький озерный город —
Петрозаводск... Столичный лоск
Лишен здесь всяческих присутствий:
Ну разве ж улицей французской
Да заводскою слободой
Пройтись — вдоль зарослей певучих,*

*Загубин с медленной водой...
Фасады зданий время лущит,
Стареет город — се ля ви...
Тем возмутительней, тем пуще —
Весна, сирени, соловьи!*

Такова и среда обитания, и неисчерпаемый источник вдохновения для автора. Географическая точность, которую оценят только местные, и обилие символических деталей — всех этих перекрёстков, потерянных весенних лепестков и медленно текущих речек, оказывающихся немymi свидетелями ещё одной сентиментальной прогулки в прошлое.

Что ещё интересно в стихах, собранных в сборнике, — это огромное количество примет времени там, где речь идёт о собственных ранних годах поэта, и почти полное отсутствие их в произведениях, рассказывающих о сыне и внучке. Вряд ли это происходит из-за недостаточного знания повседневной жизни юного поколения, о котором известно достаточно много. Просто в потомках автор очень хочет уловить собственные черты, увидеть в них достойных наследников, уловить ту духовную связь, которая выше исторических реалий века нынешнего или минувшего:

*Может, бледной расцветке весны,
Чей рулон закатился под шкаф,
Улыбнется мой маленький сын,
Раздвигая султанчики трав.*

Будь я художником, иллюстрирующим книгу, обязательно бы вынес именно данный образ на фронтальную часть обложки, ибо что такое детство, если не блуждание сказочного Маугли в экзотических джунглях, в которые можно превратить и свою родную квартиру, и двор, и город, и весь доступный взору белый свет? Блуждание и покорение, после которого человек становится взрослым...

Подробности собственных приключений автор охотно рассказывает в прозаическом разделе. Здесь тоже немало текстов, уже знакомых читателю по прежним книгам — прежде всего по выходившему ещё десять лет назад сборнику «Живая и разная». Однако, будучи собранными вместе, дополненными и улучшенными, старые рассказы воспринимаются несколько иначе. Одним из важных достоинств их всегда казалось

умение автора писать интересно, увлекательно рассказывать несложные, но всегда весьма поучительные истории. (Не исключено, что тут не обошлось и без определённого влияния новелл О'Генри, упоминаемого вскользь в одном месте, где говорится об уморительной комедии Леонида Гайдая «Вождь краснокожих», снятой по мотивам произведений американского классика!) Поражала, конечно же, и цепкость памяти, сохранившей не только обрывки впечатлений, но и бытовые детали, на которые и взрослые-то не всегда обращают внимание, и особенности речи людей, с которыми сводила судьба. Для очень многих ранние годы настолько безоблачны, что и вспомнить потом нечего. Здесь же на наших глазах как будто пишется самый настоящий роман воспитания, ибо герой не просто живёт в предложенных ему обстоятельствах — он растёт, учится, вбирает в себя всё, что потом аукнется в его зрелом творчестве. Вот зарисовки из деревенской жизни. Один из тех редких уголков Карелии, где почти всё соответствует заведённому много веков назад укладу, место, где ещё существовала не испорченная цивилизацией народная культура, описаны очень сочно, словно бы по горячим следам. Видимо, общение с бабушкой стало для Олега первым шагом в сторону превращения в художника слова. Ведь это — наверняка незабываемая встреча и с не вполне привычной для современного городского человека языковой средой, и приобщение к фольклорным корням. В результате становятся возможными такие рассказы, как «Леший», где звучат живые голоса людей, которые даже в технократическом, атеистическом веке продолжали общаться с персонажами мифов и легенд.

А вот уже зарисовки из городской жизни полувековой давности, изобилующие такими эпизодами, которые нам, ровесникам автора — плюс-минус десять лет, понятны без лишних разъяснений, а нынешнему юному поколению, наверное, покажутся очень странными. Ну как объяснишь современному дошкольнику, знакомому с кино в формате 3D, какую радость мог кому-то когда-то приносить немой — хоть и снабжённый мелкими субтитрами, статичный кадр диафильма! А ведь он для советской детворы был окном в другой — красочный и сказочный мир! Впрочем, и любимые нами в своё время мультфильмы — про Винни-Пуха,

про льва Бонифация, про Витю из страны невыученных уроков, наверное, нынешнему юному поколению, выросшему на диснеевских сериалах, возможно, кажутся слишком назидательными, слишком затянутыми, слишком невзрачными внешне. Ну а что уж говорить о таких забавах, как запуск воздушных змеев или сооружение кладов-секретиков в дворовых песочницах? Старая дворовая субкультура уходит в прошлое вместе с ощущением уюта и защищённости, давно уже покинувшего наши города. А собирает ли кто-нибудь сейчас марки, учитывая, что интернет отучил нас писать бумажные письма? Трудно сказать, а ещё трудней описать то, какими важными источниками информации обо всём на свете могли служить эти картинки, отпечатанные на микроскопических кусочках бумаги с рифлёными краями.

Дело ведь не только в том, что наши первые в жизни хобби скрашивали досуг куда лучше, чем тогда ещё никому не ведомые компьютерные бродилки и стрелялки. Важно, что кто-то — пусть далеко не все, заинтересовавшись лет в семь филателией, в десять уже не сможет представить своей жизни без книги. Процесс превращения стихийного коллекционера в страстного, запойного читателя Олегом Мошниковым показан на собственном примере особенно наглядно. Книга как лучший собеседник и советчик, книга как объект охоты истинного библиофила, хорошая библиотека как один из признаков материального благополучия семьи — всё это было в стране, гордившейся, что она — самая читающая. Она, кстати, такой и была по факту, ибо миллионных тиражей классиков на всех не хватало, так, что многие издания приходилось выигрывать в лотерею или менять на макулатуру — и подобные приключения тоже отчасти нашли здесь своё отражение.

И как человеку, жившему в такой атмосфере с ранних лет, не стать писателем? А можно ли не стать им, будучи постоянным посетителем краеведческого музея в годы, когда человек больше всего нуждается в ярких впечатлениях, в знаниях — особенно тех, что недодают в школе? Вот герой книги и становится, а заодно приобретает особое отношение к времени, к истории, к природе своего края, заодно добавляя ощущения личной причастности ко всему, что происходит в его стране.

Впрочем, нельзя сказать, будто выведенная в рассказах картина советского прошлого абсолютно благодатная, безоблачная. О том, что улица может быть полна неожиданностей — иногда весьма неприятных, и встреч — весьма опасных для здоровья, нам рассказывают тоже, ибо столкновение с агрессивной шпаной, чувствовавшей себя хозяйкой района, — это тоже поучительная история, проверяющая героя на прочность. И размышления о том, почему все мы, рождённые вроде бы в стране равных возможностей, учившиеся по одним и тем же учебникам, игравшие в одни и те же игры, пришли в конечном счёте к очень разным результатам, не дают покоя автору, похоже, уже много лет. Универсальных, бесспорных ответов, как и прежде, мы так и не получаем. Да и не для того писатели берутся за перо, чтобы давать рецепты на все случаи жизни. Их задача — рассказать то, что они знают, поделиться личным опытом, дать пищу для раздумий, а дальше уж пусть каждый делает выводы сам, в меру своих способностей! Ясно только одно — судьба ничего нам не даёт на халяву, всё надо зарабатывать упорным трудом — и материальное благополучие, и славу, и биографию, страницы которой не стыдно перелистывать.

Примеры такой виртуозной работы автор находит в творчестве вепских авторов, которых в разное время переводил на русский язык, — Николая Абрамова, Нины Зайцевой, Ольги Жуковой, в том числе и в их произведениях, адресованных детям. Поскольку эти тексты принадлежат к самым разным жанрам, Олегу Мошникову приходится не только передавать индивидуальные особенности стиля каждого из них, но и представлять перед нами то драматургом, то сказочником, то лириком, проявляя незаурядный артистизм. Задача выполняется блестяще, и стоит ли этому удивляться, если образцом для подражания и у переводимых, и у переводчика в конечном счёте является устное народное творчество — чистое, по-детски наивное и одновременно непостижимо глубокое, объясняющее сразу всё насчёт устройства нашего мира. Иные — наиболее удачные, переводы звучат даже как магические заклинания:

*Выйди, выйди, солнышко,
В небо колоколнышком!
Глянь в окошки низкие,
Поиграй с детишками,*

*Позови на улицу,
Пусть мальцы разуются!
Уворот — на лавочке —
Засверкают пяточки.*

Вот она — главная причина того, почему мы вновь и вновь возвращаемся во времена, когда деревья были большими! В той удивительной вселенной именно мы были хозяевами, волшебниками-демиургами, умеющими управлять даже космическими светилами! Там всё было только для нас, и чудеса были возможны, и исполнения заветных желаний.

Хорошо, что выходят ещё подобные книги. Благодаря им мы не забываем дорогу назад, в детство. Это касается и сборника Олега Мошникова, и тех книг, рецензии на которые размещены в самом последнем разделе. Несомненно, ценными свидетельствами являются воспоминания о личном и эпистолярном многолетнем общении с Владиславом Крапивинным — одним из лучших советских прозаиков, писавших для такой сложной и требовательной аудитории, как подростки. Именно Крапивин оказался первым профессионалом, по достоинству оценившим ранние творческие опыты Олега Мошникова. А ещё он — как и многие другие талантливые собратья по перу, и не только отечественные, но и звёзды мирового масштаба, типа Астрид Линдгрен, предчувствуя, какие испытания ждут наш мир, пытались воспитать маленьких волшебников, которые уже во взрослой жизни спасут человечество от гибели.

Мы, кажется, не оправдали доверия. Мы возвращаемся в воспоминания о детстве, умоляя нас спасти, простить и понять. Это, бесспорно, наше поражение. Но страна детства принимает и спасает своих блудных детей, потому что мы такие не первые.

«Солнце в кармашке» — это последний проблеск светлой ностальгии по ушедшему веку, последняя попытка подвести его итоги и понять, что же от него нам досталось в наследство. Надёжное убежище и, если хотите, уютная раковина на ладони — для всех, кому есть что вспомнить, и веское, ободряющее слово поддержки для всех, кому показалось, будто уже не осталось ничего святого.

**Руководитель литературного
объединения «СоHeT» Олег Гальченко**